

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

РУСАЛЬНЫЯ ДѢЙСТВА

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

1910—1912.
ИЗДАТЕЛЬСТВО „СИРИНЪ“
СПБ. ПУШКИНСКАЯ, 10.

ТРАГЕДІЯ

О ІУДѢ ПРИНЦѢ ИСКАРИОТСКОМЪ.

Въ трехъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

Иуда—принцъ Искаріотскій.

Стратимъ—принцъ Искаріотскій.

Ункрада—племянница царя Искаріотскаго.

Пилатъ—игемонъ Ерусалимскій.

Сиборія—жена Симона, хозяина сада, въ которомъ растутъ золотыя яблоки.

Кадиджа—служанка Сиборіи.

Зифъ
Орифъ } приближенные Иуды.

Обезьяній царь.

Вѣстникъ.

Три вѣщія сурлицы

Мѣсто дѣйствія.—Первое дѣйствіе происходитъ на островъ Искаріотъ. Второе и третье—въ Ерусалимѣ.

Время дѣйствія.—Во дни царя Ирода.

Ункрада.

Злое небо! Межь нами роють ровь. Твоя судьба рѣшается.

Іуда.

Рѣко.—Кто рѣшаетъ?

Ункрада.

Сегодня послѣ приема ерусалимскихъ купцовъ, царь вошелъ къ царицѣ. Я находилась въ сосѣдномъ покоѣ. Сперва я думала уйти. Упомянули твое имя. Я насторожилась. Царь сказалъ, что его терпѣнью пришелъ конецъ, и выставилъ тебя царицѣ такимъ злодѣемъ... отъ тебя будто бы возможно всего ждать: ты ужъ покушался на жизнь отца, ты погубишь мать и брата. А чтобы оградиться отъ тебя, царь рѣшилъ: объявить наслѣдникомъ Стратима, тебя же присудилъ къ изгнанію. Потомъ, твой приближенный, Зифъ сообщилъ мнѣ, что онъ былъ у царя и изъ его намековъ ясно понялъ, тебѣ угрожаетъ смерть.

Іуда.

Вспыхнувъ. — Меня лишитъ престола?—Я—на отца? Мнѣ—смерть?

Ункрада.

На, вотъ письмо Стратима. Я получила послѣ объѣда.

Іуда.

Быстро пробѣгаетъ глазами письмо.—Ему извѣстно рѣшеніе отца! Онъ проситъ у тебя свиданія? Ты ему отвѣтила?

Ункрада.

Я согласна.

Иуда.

Ункрада, Стратимъ сюда придеть?! Такъ не должна была ты дѣлать. Онъ подумаетъ, ты заодно съ нимъ. Нѣтъ, этого не можетъ быть.

Ункрада.

Стратимъ сюда придеть—къ старому колодцу. Ты пойми: такъ надо. Твоя судьба рѣшается. Буду съ нимъ ласкова и нѣжна. Онъ мнѣ повѣритъ. Онъ пойдетъ всюду, куда я захочу. Я заманю его сюда, къ этой двери. Ты его увидишь. Вы будете лицомъ къ лицу. Ты можешь не подымать руки, не проливать крови. Это сдѣлаютъ другіе: мечъ у нихъ остръ, стрѣлы часты. Такіе найдутся. Потомъ трупъ—въ море. Море костливо! Завтра скажутъ: ерусалимскіе купцы убили.

Иуда.

Ерусалимскіе купцы... а! вотъ что!

Ункрада.

Твой отецъ старъ. Ему не долго носить корону. Она перейдетъ къ тебѣ. Она—твоя. Твой будетъ островъ, твое и море. Мы покоримъ западъ до Океана, востокъ до Кавказа. Переплывемъ море вдоль и поперекъ. Пойдемъ на сѣверъ—на мою бѣлую родину. Я сама поведу тебя черезъ дикую степь, черезъ поемные луга, черезъ прилуги по зарѣ, по мѣсяцу, по звѣздамъ къ широкимъ омутистымъ рѣкамъ, къ вѣтвистой вербѣ. Тебя тамъ встрѣтятъ, какъ царя...

Словно колдуня. — Зимы тамъ долги и темны. Бѣлый снѣгъ. Какъ завѣютъ сильные свирѣпые сиверы, наложить зима желѣзныя оковы на облаки и пойдетъ съ гвоздемъ: оковы вааетъ воды и землю, накладываетъ на рѣки и озера ледяные мосты, скрѣпляетъ гвоздемъ. Зацвѣтутъ тогда окна мо-

розными цвѣтами, замететъ путь перистымъ снѣгомъ, а по воздуху лютъ летитъ, нижеетъ на вѣтви скатный перебраный жемчугъ. А придеть весна, уснетъ черный сѣверный вѣтеръ, приплыветъ съ юга бѣлый, потихоньку повѣетъ. Встанутъ звѣри изъ спячки. Солнце опуститъ къ намъ на дворъ золотыя качели, день и ночь стоитъ, стелетъ по лугамъ красныя ткани, сѣветъ золотомъ. А вдоль берега бѣлыми цвѣтами калина свѣтитъ темную поросль. Не замѣтишь—лѣто приспѣло. Ночи—въ терновомъ огнѣ. Звонкія пѣсни. И вьются хороводы, какъ хмѣль. Такъ ночь до зари. Вотъ соберется гроза, разломитъ все небо и ударитъ проливнымъ дождемъ, а за пролоемъ—радуга. И поютъ, шумятъ луга. Ходитъ медвѣдь. Колесомъ пошло солнце подъ гору, повилась паутина, летитъ надъ полями. Въ красномъ гарусѣ кудрявая рябина. Ледовая роса на зарѣ. Это—осень. Унывно, тихо, прозрачно. По небу плывутъ облаки-лебеди. А лѣсъ у насъ какъ расшумится, то въ бую и въ шуму его ничего ужъ не слышно, только слышенъ человѣчій голосъ, это я запою тебѣ пѣсню,—уласкаю тебя... Поведу тебя дальше въ непроходимыя страны, обволоченные лѣсами и туманами, бурей пройдемъ всѣ лѣса, и дальше за равнины, за дубучія болота—мышинными норами, змѣиными тропами—за лукоморье, за желѣзныя горы, въ край чародѣевъ. Весъ свѣтъ покоримъ, весь міръ будетъ нашъ.

Иуда.

А предсказаніе?

Ункрада.

Выбора быть не можетъ.

Иуда.

Отецъ и мать и братъ—всѣ противъ меня.

готовы умереть. Въ волчій вѣкъ такая рѣдкость! Невѣрность и измѣну стоило бы вписать въ законы, какъ законъ. Духъ меркнетъ. Нѣтъ цѣннаго, есть только цѣны. Слова захватаны. Страшно стало говорить. Всюду кровь. Такъ отъ крови земля загорится, и не останется на свѣтѣ ни дерева, ни камня,—вѣтеръ развѣетъ прахъ... Чѣмъ я виновенъ?

Зифъ.

Принцъ, идуть.

Орифъ.

Это онъ—вашъ братъ Стратимъ.

Иуда.

Ну что жъ—ну что жъ... мой братъ... Стратимъ.—Ходить ввадь и впередъ. Закумался, про себя.

Пойдетъ Бука на сарай—
Конямя сѣна надавай.
Баю, люлю зыбаю—
Идетъ батя съ рыбюю.

Приотворяетъ двери.—Звѣзда, спустись ко мнѣ!—Какъ бы гадала.—Берегъ въ пѣнѣ. Бьютъ вали. Море темно. Сѣдая даль. Звѣзда упала. Если бы не думать!—Вдругъ отступаетъ, потомъ беретъ затворить дверь,—не можетъ. Шопотомъ къ кому-то, кто находится за дверью и только ему одному виденъ.—Слышу, слышу. Опять вы пришли. Вы мнѣ говорили разъ, зачѣмъ же повторять?—память у меня хорошая, я не забылъ, я помню вашъ вѣщій голосъ!—Дверь сама собой со скрипомъ затворяется. Раздѣльно и ясно.—«Убьешь отца, женишься на матери, будешь царемъ».—Минуто стоитъ молча.—Нѣтъ, этого не будетъ. Этого не можетъ быть.— Къ Зифу и Орифу, успѣвшимъ занять безопасное положеніе, говорить твердо.—Идите на корабль. Корабль не отошелъ. Я буду слѣдомъ.

Зифъ.

Принцъ, васъ одного оставить... Тогда не надо медлить.

Иуда.

Настойчиво.—Я буду слѣдомъ.

Орифъ.

Намъ не велѣно. Намъ долгъ. Мы взялись исполнить.

Иуда.

Нетерпѣливо.—Идите! Корабль не отошелъ. Я буду слѣдомъ.

Зифъ и Орифъ уходятъ къ морю.

СЦЕНА V.

Иуда и Ункрада.

Ункрада.

Внезапно появляется изъ-за развалинъ.—Не тревожься. Это я. Я одна. Я завела Стратима къ бѣгучему ключу. Онъ плуруетъ тамъ одинъ въ потемкахъ. Хочу еще разъ взглянуть... Что ты такъ смотришь?

Иуда.

Показывая на дверь; шопотомъ.—Онъ опять приходилъ, *Зифу*

Ункрада.

Что ты говоришь? Кто приходилъ?

Иуда.

Тѣ три вѣщихъ.

Ункрада.

Успокойся, все живое давно покинуло эту мертвую башню.

Иуда.

Нѣтъ, я ихъ узналъ. Онѣ мнѣ повторили слово въ слово предсказаніе.

Ункрада.

Это въ тебѣ кровь заговорила. Ты не думай. Оставь эти мысли. Я съ тобой—неразлучна.

Иуда.

Я отпустилъ и Зифа и Орифа. Они на кораблѣ.

Ункрада.

Зачѣмъ?—Ты все погубишь.

Иуда.

Я не могу.

Ункрада.

Не можешь?

Мнѣ страшно.

Иуда.

Ункрада.

Страшно! Да завтра же тебя убьютъ, какъ послѣдняго злодѣя.

Стратимъ.

За сценой.—Ункрада! Ункрада!—Гдѣ ты?

Ункрада.

Привяжутъ къ лошадиному хвосту, размыкаютъ по полю. Птицы налетятъ, поклюютъ твое тѣло. Вѣтры подымутся—размечутъ твои кости, и не останется отъ тебя ни слѣда, ни памяти. Что тогда твое пустое предсказаніе?

Стратимъ.

За сценой.—Ункрада! — Гдѣ же ты?

Ункрада.

Я приведу Стратима. Укрѣпи же сердце. Ради меня. Ради нашей любви. Ради нашего царства. Ты даль мнѣ клятву. — Уходить.

СЦЕНА VI.

Иуда, Ункрада и Стратимъ.

Иуда.

Одинъ, въ задумчивости.—

Пойдетъ Бука на сарай,—

Конямъ сѣна надавай.

Баю, люлю люблю—

Идетъ батя съ рыбою.

Стратимъ.

Появляется съ Ункрадой состерома дворца, къ Ункрадѣ. — Ка-

Ункрада.

Иуда, слышишь?

Иуда.

Въ ярости.—Замолчи!—самъ идешь на смерть.

Стратимъ.

Что тебѣ тутъ надо? Оставь насъ. Силою хочешь?—Какой-то проходимецъ, придорожный бродяга...

Ункрада.

Къ Стратиму.—Пойдемте, онъ убьетъ насъ...

Иуда.

Берется за мечъ.—Я готовъ.

Стратимъ.

Кто ты?—Достоинство не позволяеть мнѣ...

Иуда.

Обмажетъ мечъ.—Такъ вотъ тебѣ.

Стратимъ.

Отступастъ.—Я буду защищаться, какъ на большой дороге отъ разбойниковъ.

Иуда.

Что?.. дрожишь?.. Одинъ ударъ — и тебя не станетъ. Ты въ моей власти.—Молчаніе. Подавая Стратиму свой мечъ, царственно. — Какъ царь, я отдаю тебѣ оружіе, первенство и островъ. Прощай.—Идетъ къ морю. Въ дверяхъ.—Море до облакъ.

И свободенъ: я никогда не увижу отца, я никогда не увижу матери, а царство я отдалъ брату. — Къ Ункрадѣ.— Судьбѣ не найти меня,—съ вѣтра пришла и на вѣтеръ уйдетъ.

Стратимъ

Отбрасывая оружіе.—Несчастный! Для тебя нѣтъ спасенія. Съ ума сошелъ.

Ункрада.

Велѣдъ, какъ во снѣ. — Часъ часу минуется. Иди. Ищи, кого надо. Люби, кого люби. Знаю я, какъ мнѣ быть. Оболюсь облакомъ, подпояшусь зарей, огорожусь мѣсяцемъ, обтычусь звѣздами, освѣчусь краснымъ солнцемъ, — пойду ни дверью, ни воротами, ни путемъ, ни дорогой, я отыщу на морѣ ключъ, я отомкну замокъ, я подыму неподъемную желѣзную доску, возьму изъ-подъ нея все горе и всю тоску и понесу въ моихъ рукахъ, не уроню, а уроню на землю — земля загорится, а уроню на воду — вода загорится. Я вложу всю тоску и все горе тебѣ въ ноги, въ руки, въ сердце, въ брови, въ глаза — ее въ пляскѣ не заплянешь, въ гудьбѣ не загуляешь. А ты, мѣсяцъ, — ты, мѣсяцъ мой, обманулъ меня! А вы, звѣзды, — вы, звѣзды мои, обманули меня! А ты, моя вѣрная темная ночь, ты меня не обманешь. Ты покроешь его темнотой — будетъ рвать на себѣ одежду, будетъ кровь изъ себя сосать. — Я возьму мой часъ, — я найду тебя.

Замавѣсь.

У двора Пилата.
Видень садъ, огорожен-
ный заборомъ. Въ саду
яблоня съ золотыми яблони-
ками.

СЦЕНА I.

Кадиджа, Сиборія и Орифъ.

Кадиджа.

У забора изъ сада, къ Орифу. — Скажите, господинъ, какія новости во дворцѣ? Какъ здоровье игемона Пилата?

Орифъ.

Пріосанившись. — Попрежнему: ни хуже, ни лучше, одинаково. — Осъ тутъ такая пропасть, всю шею обкусали.

Кадиджа.

Вы придворный?

Орифъ.

При управителѣ — лицо неприкосновенное.

Кадиджа.

Клянись. — Госпожу мою зовуть Сиборія, а я — Кадиджа. Поть сколько лѣтъ я тутъ видѣла совѣмъ другія лица. — Что старичокъ-управитель Карпій?

Орифъ.

Э! да вы порядочно отстали.

Кадиджа.

Мы только-что вернулись въ Ерусалимъ. У бабушки гостили на Соколиной горѣ. Это тамъ — у Сорочинскаго поля. Съ бабушкой варили мы варенье, дѣлали пастилу. Ночью прѣехали домой. Нашъ господинъ — Симонъ караулил садъ и только успѣлъ сообщить, что во дворцѣ произошли большія перемѣны и что, когда я сама все увижу, то просто ахну.

Орифъ.

Управителемъ дворца назначенъ принцъ Искаріотскій, сбѣжавшій съ вашими купцами съ острова Искаріота.

Кадиджа.

Принцъ! — скажите! въ первый разъ слышу. И предстоящій?

Орифъ.

Съ удовольствіемъ разсматриваетъ прогуливающуюся по саду Сиборію. — Самый настоящій. Только безъ принцессы.

Кадиджа.

Наканунъ нашего отбѣда съ Соколиной горы пришло мнѣ, будто сижу я одна въ темной комнатѣ и

вдругъ вижу: входитъ мужикъ съ фонаремъ, приподнялъ мужикъ фонарь и сталъ меня ловить, а самъ такой чернѣй, косматѣй. Я — отъ него, онъ — за мной. Кружились-кружились: съ окна на лавку, съ лавки на полъ, по полу да къ дверямъ, перепрыгнули черезъ порогъ да въ сѣни, изъ сѣней на крыльцо, съ крыльца на дворъ, со двора за ворота — дальше и дальше — онъ меня какъ халъ за руку и схватилъ. Бабушка говорить: пятничнѣй сонъ сбудется въ воскресенье...

Орифъ.

Недовольно. — Я въ сны не вѣрю. Старики да старухи отъ нечего дѣлать ворчать да въ сны вѣрують.

Кадиджа.

Скѣльсь. — А зачѣмъ же принцъ сбѣжалъ?

Орифъ.

Да если бъ не убѣжалъ, его бы прикокошили.

Кадиджа.

Вѣдняжка. — За что же это такое?

Орифъ.

Темная исторія. Царь — его отецъ, очень испугался предсказанія. У насъ на островѣ таскаются такіа странницы, зовутъ ихъ Судницами или просто вѣдьмами. Народъ мелеть про нихъ, будто онѣ и то и сѣ: и читають въ звѣздахъ и знаютъ, что должно случиться въ мірѣ на тысячу лѣтъ впередъ; окружены онѣ змѣями и змѣятами, лисицами и совами, а ноги у нихъ гусинныя, — самъ видѣлъ. Эти-то вѣдьмы встрѣтили какъ-то нашего принца, отгѣрили ему талантъ, — нагородили такую чепуху, — уши вянуть. А принцъ возьмъ

да и расскажи все царю: Царь на усь и намотать. А тутъ подвернулись разныя другія исторія: ихъ двое братьевъ — два принца, оба они влюбились въ одну, а она ихъ, какъ мертвой рукой обвела, околдовала. Правъ и сталъ показываться. Разъ они другъ друга чуть на тотъ свѣтъ не отправили.

Кадиджа.

Долго ли до грѣха!—Кто жъ она такая?

Орифъ.

Ункрада по имени—племянница искаріотскаго цара. Отецъ ея былъ настоящий царь — братъ нашему, а мать, хоть и царскаго рода, да плѣнная: съ сѣвера, изъ дремучихъ лѣсовъ, тамъ, гдѣ бѣлое море. Когда они померли, царь взялъ къ себѣ Ункраду на островъ. Тутъ и началось Глухая баба все на скуку наводитъ, а эта—самъ свѣтъ и огонь и краса. Брови у нея длинныя и такія черныя, словно два ворона сидятъ на ея глазахъ. Разгорится лицо — не уймется. А голосъ такой вольный—говоръ лебедина. Какъ запоетъ — старики запляшутъ, каменный заплачетъ, горить гора горь.

Кадиджа.

Что жъ новый управитель — принцъ очень страшный?

Орифъ.

А вотъ увидите: послѣ обѣда принцъ выйдетъ сюда съ пгемономъ на крылечкѣ посидѣть. — Какъ сказать? Задачивъ, разгораздъ, только больно базыковать: тутъ во дворцѣ все верхъ дномъ перевернулъ — здорово подчистилъ, да и намъ нагорѣло. Ну въ двадцать лѣтъ это понятно—въ горячей водѣ купанъ. Да со временемъ человекъ переработается.

Кадиджа.

Какъ его зовутъ?

Орифъ.

Принцъ Иуда.

Сиборія.

Оставаяшаяся все время какъ-бы безучастной, съ большими удивленіемъ, почти пораженной — Иуда?

Орифъ.

Принцъ Иуда. У насъ на островѣ такое имя только царямъ дается, но тутъ у васъ въ Ерусалимѣ сплошь да рядомъ.

Сиборія.

Кто его такъ называлъ—Иудой?

Орифъ.

Кто называлъ? — мать и море. Онъ первенецъ. Царица была въ годахъ, а дѣтей у ней все не было. Очень горевала. Бывало дни и ночи все у моря, все молилась. Знать, и намолила, — и бузины ѣсть не надо. Царь былъ въ походѣ, когда сынъ родился.

Иуда—по-нашему это все равно, что царь морской или водяной богъ.

Сиборія.

Съ любопытствомъ. — И не было у царя подозрѣній?

Орифъ.

Какія подозрѣнія? — Царица пикуда глазъ не показывала, жила черничкой, только развѣ что къ морю и пройдетъ. А ровно черезъ годъ у ней другой сынъ родился.

Стратимъ. А этого назвали такъ по имени самой главной морской птицы: держитъ она подъ ^{своимъ} правымъ крыломъ бѣлый свѣтъ. Одинъ мудрецъ чудесно ее описываетъ.

Живетъ на синемъ морѣ,
Плодъ плодитъ на морѣ,
Въ морѣ яйца несетъ,
Изъ моря дѣтей ведетъ.

С и б о р і я.

Открываетъ лицо. Смѣшавшись, сквозь слезы. — Моя служанка мнѣ говорила, будто тутъ передъ дворцомъ ходитъ страшный старичище, а когда вы стали рассказывать, мнѣ и представилось, что это новый управитель... принцъ...

О р и ф ѣ.

Страшный старичище... Тутъ бывають только двое: я и Зифъ. Больше никого. — у вѣрно. — Это — Зифъ.

К а д и д ж а.

А кто же этотъ Зифъ?

О р и ф ѣ.

Лицо неприкосновенное. — Отважный. Ничто его не держитъ: ни погода, ни вьюга, ни осенніе дожди. И гдѣ-гдѣ мы съ нимъ ни путешествовали!

Побывали мы и въ Мазайскомъ царствѣ: такое есть дѣвичье царство, а женятся онѣ на Ефіопахъ съ году на годъ, — мальчишекъ отдають Ефіопахъ въ ихъ земли, а дѣвчонокъ при себѣ оставляють. Прожили мы у нихъ съ мѣсяцъ въ родѣ Ефіоповъ, — такая была тамъ Василиса гусыница. Ну были еще и у тѣхъ чудаковъ, подъ негасимымъ огнемъ живутъ въ Альберскомъ царствѣ: не пьютъ, не ѣдятъ,

куда вѣтеръ повѣетъ, туда и эти люди летять, какъ паутина, а смерти имъ нѣтъ, и въ руки не даются. Народъ смиренный, благочестивый: ни одного ругательнаго слова... Кое-какъ протараканили время, поспали тамъ, ^{и за это} головъ двѣнадцать для развлечения да въ Окаменѣлое царство пустились. Въ Окаменѣломъ царствѣ ничего особеннаго, только что печки топятъ орѣхами, да заброшено оно на конецъ земли, гдѣ ни за какія деньги того же ситнаго не достанешь. Пообѣщали мы имъ пирога съ горохомъ, да давай Богъ ноги. А то попали мы разъ въ Поливянскую землю, такая есть Поливянская земля, такъ въ этой самой землѣ, какъ есть, все ни на что не похожее: люди не люди — полувѣбрь, получеловѣкъ, обь одному глазѣ и обь одной ногѣ, а головы и въ поминѣ нѣтъ, вмѣсто головы такъ что-то въ родѣ мышиннаго хвостика торчить. Насилу мы ноги убрали. Круто пришлось. — Не отводитъ отъ Сиборіи глазъ. — Зифъ — это задній умъ. Спитъ на одинъ глазъ. — Да вотъ и самъ онъ.

К а д и д ж а, вскрикнувъ отъ испуга, убѣгаетъ.

СЦЕНА II.

Сиборія, Орифѣ и Зифѣ.

З и ф ѣ.

Появляется изъ-за двора отъ воротъ. — Ага! любезный другъ, — такъ вотъ какъ ты запялъ ерусалимскими дѣлами. Губа у тебя не дура. — Кто это? ^{полицейскій}

О р и ф ѣ.

Сиборія, жена нашего сосѣда Симона.

З и ф ѣ.

Той гусавой развалины съ пауковой бородой? — Не

ожидал! — Кланяется Сиборию. — Я — совѣтникъ принца Зифъ, а этотъ почтенный старецъ — мой соратникъ Орифъ.

Орифъ.

Обидѣлся. — Самъ-то ты правой ногой приволакиваешь. Хромой чортъ!

Сиборія.

Вы знаете моего мужа?

Зифъ.

Къ Орифу. — Лысый бѣсъ! — Къ Сиборию. — Отличный рѣдкій человѣкъ. — Замѣчаетъ яблоку съ золотыми яблоками; съ удивленіемъ. — Какія прекрасныя яблоки! — У насъ на островѣ искоріотскомъ нѣтъ ничего подобнаго. Я никогда бы не по-вѣрилъ, что гдѣ-нибудь на землѣ могутъ такія водиться. — Золотыя яблоки — и должно быть, очень вкусныя. — Заносить погу, чтобы перелѣзть черезъ заборъ.

Сиборія.

Въ испугѣ. — Нѣтъ, никакъ нельзя. Эти яблоки заповѣдныя. Мы ихъ приносимъ только въ жертву. Въ память нашего сына. Мой мужъ дрожитъ надъ каждымъ яблокомъ. Онъ никому не довѣряетъ. Не спитъ ночей, — самъ ихъ стережетъ.

Орифъ.

Приосанившись. — Одинъ такой устерегъ...

Зифъ.

А я право бы не прочь... Сроду такихъ не пробовалъ: такія румяныя, какъ ваши губы, и золотыя, какъ эти волюсы. — Лѣзетъ руками къ Сиборию

Сиборія.

Отстраняясь. — Стыдно! — старый вы человѣкъ!..

Зифъ,

не слышитъ

Пошевеливаясь. — Я хоть и старъ, но задатки еще имѣю — кое-чего достаточно.

Орифъ.

Фыркнувъ. — У меня побольше.

Зифъ и Орифъ рас-
стутились. Трогають другъ
друга, толкаются, подкря-
киваютъ, подмигиваютъ,
подмигиваютъ. Говорятъ
скороговоркой, двусмыс-
ленно, мѣта въ Сиво-
рїю. — Пантомима.

Зифъ.

Подмигнувъ Орифу. — У одного старика было десять сы-
ночекъ и всѣ они десять поѣхали на одной лошади пахать.

Орифъ.

Вотъ это — ловкачи. Чего же это они десять человѣкъ *рабочихъ*
дѣлали?

Зифъ.

Умные люди найдутъ, что дѣлать.

Орифъ.

И-да, не хуже мохноногой.

Зифъ.

Пахали, да еще какъ!

Орифъ.

Ха-ха-ха! Смекнула?

Зифъ.

Небось, смекнешь.

Орифъ.

Похоже на то.

Зифъ.

И такъ — п сякъ.

Орифъ.

Вышли оба.
И этакъ!

Сиборія

Добродушно. — Ей-Богу, прямо бѣсы, только что хвостовъ нѣтъ.

Зифъ.

Вотъ и ошибаетесь: есть — да еще какіе! Орифъ, покажи!

Орифъ.

Кобенясь. — Трудно вынимается.

Зифъ.

Вреть: такъ недоростокъ.

Сиборія.

Какъ вамъ не стыдно! Скажу вашему принцу. — Скры-
вается.

СЦЕНА III.

Зифъ и Орифъ.

Какъ только скры-
лась Сиборія, тотчасъ
Зифъ и Орифъ, не
мигнувъ, бросаются къ
тому мѣсту, гдѣ она
стояла. Ищутъ шелку.
Находятъ и смотрятъ въ
садъ.

Зифъ.

Съ замершими дыханіемъ. — Лакомый кусочекъ.

Орифъ.

Я ничего не вижу.

Зифъ.

Какъ она на меня смотрѣла... ты замѣтилъ?

Орифъ.

Ты мнѣ ногу отдавилъ!

Зифъ.

А ты куда лѣзешь!

Орифъ.

Бьюсь обзакладъ: мое дѣло выгорить. — Съ писконъ. — Чер-
вячокъ клюнулъ!

Зифъ.

Запыхавшись. — Рыбка попалась!

тають по первому доносу. Царю взбрело на умъ, что вы на островъ опять, и издавъ былъ приказъ казнить всёхъ рыжихъ. Сами знаете, рыжихъ, кромѣ васъ, нѣтъ никого, а вѣрные прислужники изъ выслуги перекололи не мало сѣдыхъ и черныхъ. Ункрада..

Иуда.

Ункрада?

Зифъ.

Выходитъ замулъ за принца Стратима...

Иуда.

Не довѣрять. — Правда?

Зифъ.

Слово въ слово.—Убійства, грабежи, казни. Недорождѣ хлѣбамъ, недоростъ травамъ. Морь, голодъ, грозы. Деревья по корню приломились. Разгремѣлась туча, надрожалась земля отъ грома. Расходилось море со дна, день и ночь шумитъ безъ умолку. Луга, болота залиты водой. Бродятъ волки и змѣи. Это море мститъ за васъ. Говорятъ, море утихнетъ, пройдетъ безгодье, умирится земля, когда воротится на островъ принцъ Иуда.

Иуда.

Весь опустошенный. — Мнѣ вернуться? Я ничего не зналъ! Слово ночь мое сердце, весь мѣръ зачался, перевернулось что-то... Куда мнѣ дѣться? — Я плохо вижу. Отецъ, мать, братъ... — Завертѣлся, какъ кубарь, кричать. — Ункрада. Ункрада!

Зифъ.

Стараясь перекричать, во все горло. — ИГЕМОНѢ

Орифъ.

Новозмутино. — Стоить изъ-за пустяковъ такъ волноваться.

Зифъ и Орифъ ех-
ходятъ въ сторону къ во-
ротамъ.

СЦЕНА V.

Иуда, Пилать, Зифъ и Орифъ.

Пилать.

Съ крыльца. — Я разослалъ гонцовъ. Все норы перерыли. Какъ въ воду канулъ. А онъ себѣ спокойно рѣшетомъ солнце ловить. Не хорошо. Измѣна. — Смѣется.

Иуда.

Самъ съ собою. — Ункрада...

Пилать.

Иуда! — Принцъ! — Да что это на тебя столбникъ напалъ?

Иуда.

Безсмысленно. — Повтори, — повтори, — повтори! —

Пилать.

Ты оглохъ. — Я вѣдь говорилъ, вредно въ Иорданъ рѣкъ купаться. Принцъ! — Показывая рукою въ даль. — Эна — сннее море!

Иуда.

Встрепенулся. — Подходить къ Пилату. — Меня ветревожилъ вѣсть на родинѣ война.

Пилатъ.

Не вѣря себѣ. — Золотья?

Золотья.

Иуда.

Пилатъ.

Сорви.

Иуда.

Никакъ нельзя.

Пилатъ.

Нельзя?!

Иуда.

Они не наши.

Пилатъ.

Ровно малый ребенокъ. — Изведусь! Сорви! Хочу ^{хочу} яблочекъ ^{хочу} золотыхъ!

Иуда.

Законъ запрещаетъ.

Пилатъ.

Я самъ—законъ.

Иуда.

Минуто остается неподвиженъ. — Молчаніе. — Потомъ рѣзко. — Я тебѣ достану. — Направляется къ забору, срываетъ замокъ съ калитки, исчезаетъ въ саду.

Зифъ и Орифъ, которые слонялись гдѣ-то на задворкахъ, теперь на звонъ упавшаго замка высовываются впередъ и, съ

любопытствомъ глядя на Пилата, прыскаютъ отъ смѣха. Пилатъ сидитъ, розиня ротъ, съ сознаниемъ всего своего безграничнаго величія и предвѣщая запретише удовольствіе.

Зифъ.

Законъ!

Орифъ.

Эка пасть-то разинулъ.—Быка проглотить.

Зифъ.

Жизнь и Смерть.

Орифъ.

Ничего себѣ мордочка.

Зифъ.

Онъ тотъ, который знаетъ.

Орифъ.

Брюшко такъ и пышетъ.

Зифъ.

Свѣтъ во мракѣ.

Орифъ.

Слюни распустилъ.

Зифъ.

Сама судьба.

Орифъ.

На колѣняхъ. — Радуйся, радуйся, царь!

Зифъ.

На колѣняхъ. — Радуйся, радуйся, царь!

Зифъ и Орифъ при-
чнутся при видѣ Иуда,
который ^{идетъ} съ яблоками въ
рукахъ выходить изъ сада.

Иуда.

Изволковано. — Старый хричь... Онъ бросился на меня изъ-за куста, онъ хотѣлъ меня ударить. — Кому-то греза. — Ну, пеняй же теперь на себя. — Длинные руки... — Подаетъ Пилату золотыя яблоки.

Пилать.

Облюбовывая яблоко. — Хорошо полакомиться золотымъ яблочкомъ! — Отвѣдывая. — Какъ сахаръ!

Иуда.

Рассматривая яблоко. — Не дурно. Такихъ я не встрѣчалъ нигдѣ. Горить, какъ жаръ.

Пилать.

Входя во вкусъ. — Разуважилъ власть. Просто прелесть. — Принимая за другое. — И дура же я, дура набитая, какъ это раньше-то я не замѣчалъ?

Иуда.

Игрыя яблокомъ. — Ты ничего не замѣчаешь. Цѣлое дерево передъ самымъ твоимъ носомъ.

Пилать.

Будемъ имѣть въ виду. — Ахъ да, совѣмъ я и забылъ. Нынче къ намъ гости будутъ: пожалуетъ самъ Обезьянй царь.

Иуда.

Любопытно.

Пилать.

Мой старый закадычный другъ: вмѣстѣ пудъ соли съѣли. Нашъ Ерусалимъ — начальное царство, посреди земли стоитъ, — это пупъ земной, а Обезьянское царство отсюда ружой податъ... Мѣстность лѣсистая, жаркая, богатства несмѣтныя. Такой народъ тамъ — бестія: чихнуть нельзя — все сейчасъ же у нихъ извѣстно. Обезьянй царь все знаетъ и по совѣтовать тоже можетъ за милую душу, что угодно... Хе, хе, войдетъ онъ и ровно все обалдѣваютъ. Такъ изъ него и преть это обезьянское... старика подыметъ. Хе, хе, хе, все подыметъ. Вотъ самъ увидишь. Ты съ нимъ поговори. Замѣчательный: на ходу держитъ носъ противъ вѣтра, знаетъ переулки и закоулки, входы и выходы, не съѣлаетъ дѣла проста, вретъ, какъ ^{чужой} лыко деретъ, — такъ словами, какъ листьями, стелеть, Асыка Первый. Вотъ кстати! Надо его угостить. На сладкое надокъ.

Иуда.

Много приближенныхъ?

Пилать.

У! Не считаешь! Сначала-то ничего, а потомъ: такъ и идутъ, такъ и идутъ, какъ рыба въ Иорданъ-рѣкѣ, да съ пѣснями, съ ладонями, — пискъ, визгъ, гикъ, толкотня. Одного сахара за день погрызутъ, другому бѣ на годъ хватило, а полъ изслѣдять, — съ недѣлю послѣ моютъ, ничѣмъ не отмыть. А есть среди нихъ презабавныя.

Скоморохи?

Иуда.

Пилать.

Какіе скоморохи?—Разсѣяно.—Погоди!.. что такое?.. что я сейчасъ подумалъ?—Ахъ, да!—Хочоеть..—Я этихъ твоихъ старыхъ дураковъ женю. Ей-Богу.—Потирая руки отъ удовольствія.— Посмотримъ, что-то выйдетъ.. человекъ и обезьяна. — Хохо-
четъ.—У васъ этимъ не занимаются? *И*

Изъ сада подымается
глухой женскій плачь.

Иуда.

Насторожившись.—Не знаю.

Пилать.

А на тебя мы возложимъ обезьянны знаки. Ты такіе не видѣлъ?

Иуда.

Прислушаваясь.—Нѣтъ, не видалъ.

Пилать.

И Проду-царю намедни послалъ такой одинъ знакъ такъ онъ обидѣлся. Дуракъ!— Мало ли какіе бывають знаки: ну, у однихъ звѣзды, у другихъ звѣри, а у третьихъ это.. Что это за шумъ?

Иуда.

Бесь вобразился въ себя. Да, какъ будто шумъ

Пилать.

Ужъ не пожаръ ли?—Вдругъ просіявъ.—А!—да это онъ—

Обезьяннй царь!—А я ужъ думалъ, Богъ вѣсть, что. Надо отворить ворота настезь.

Иуда.

Дрожа всѣмъ тѣломъ.—Тамъ кто-то плачетъ.

Пилать.

Ну вотъ еще!—это тебѣ представляется. Я никогда не ошибаюсь.

Иуда.

Да, плачетъ.

Стучь въ ворота.

Пилать.

Подымается.—Эй, кто тамъ, сюда!

Иуда.

Въ саду плачетъ.

Пилать.

Нетерпѣливо.—Какого чорта!—Я вамъ шиломъ глаза прогочу! Съ живого сдеру кожу!

Молчаніе. Входитъ
Орифъ.

Пу?

Пилать.

Орифъ.

Зифъ сейчасъ все узнаеть. Зифъ на ногу лютъ, скорымъ на скоро сбѣгаетъ, дошлый—живо узнаеть.

Стучь въ ворота. Тре-
вожно. Появляется Вѣст-
никъ.

СЦЕНА VI.

Гуда, Пилать, Орифъ, Вѣстникъ и Обезьяній царь.

Вѣстникъ.

Его величество царь обезьяній, Обезьянъ Великій—Валахъ-Тангарарахъ—Тарандаруфа Асыка Первый.

Пилать.

Проси. — Вѣстникъ исчезаетъ. — Къ Гудѣ. А! Вотъ видишь я никогда не ошибаюсь.—Идетъ къ дверямъ.

Музыка: обезьяній маршъ.

Пилать.

На порогъ.—Добро пожаловать, дорогой гость—насилу-то дождался. Столы застланы, пироги напечены, меду насычено, каша наварена. Эй, несите гуся, барана, бѣлую лебедь!

Обезьяній царь.

На востокъ зажглась хвостатая звѣзда. Весь ея путь въ огнѣ. Днемъ и ночью брежжитъ. Идетъ въ Ерусалимъ.

Пилать.

А у насъ золотыя яблоки.

Обезьяній царь.

Глазѣтъ на диво.—Неправдошныя.—Поддѣлка.

Пилать.

А ты не бойся.—Держи въ обѣ лапы. Попробуй на удачу, что выйдетъ. Да похвали.

Обезьяній царь.

Не рѣшается взять. Вдругъ нашелся. — А у насъ по поднебесью медвѣдь леталъ, ногами примахивалъ, хвостомъ направлялъ.

Пилать.

А у насъ золотыя яблоки.

Обезьяній царь.

А у насъ безрукій яйцо подобралъ, голому за пазуху маклалъ, слѣпой подглядывалъ, глухой подслушивалъ, нѣмой ура закричалъ, безногаго въ погоню погналъ.

Пилать.

А у насъ золотыя яблоки.

Обезьяній царь.

А къ намъ Арапъ пришелъ. Ътъ не просить, засѣлъ подъ пирамиду, пескомъ питается.

Пилать.

А у насъ принцъ Искаріотскій Гуда

Обезьяній царь.

Взглянувъ на Гуду, сбитый съ толку.—А у насъ...—Запиулся.

Пилать.

Предразниваетъ. — А у насъ...

СЦЕНА VII.

Тѣ же и Зифъ.

ДЪЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Въ саду Симона у Бе-
рега Иорданъ+рѣки.

СЦЕНА I.

Зифъ и Орифъ.

Орифъ.

Сидить на скамейкѣ недалеко отъ калитки. Мурлычить. — „Ши-
заря зарѣветъ, ни солнце всходить, только приходитъ
черный кудлатый въ лантяхъ. И онъ взялъ ее за бѣлу руку,
повелъ ее въ зеленый лѣсъ. Тамъ новый дворъ, свѣт-
лые покои. И посадилъ ее за бѣлымъ столомъ, онъ насы-
палъ ей золота-серебра

— Ой мнѣ не мило золото-серебро, только мнѣ мило
отецъ-мать, братъ-сестра.

— Ой молчи, не плачь, красная панна, будетъ у
тебя десять слугъ, десять слугъ, десять лихъ...“

Зифъ.

Бродя, какъ сонная муха.—Много ихъ, обезьянъ, попало въ
бѣду! Теперь расхлебывай. Ну правду говорятъ: войдетъ
этотъ Обезьяний царь и ровно все ободѣвають, все про-

^{привѣтъ}
клятый подыметъ! Про одного разсказываютъ: шантрапъ,
схватилъ онъ подвернувшійся колъ и такъ ловко чвакнулъ
сонную по головѣ, что у той сразу черепъ раскололся.
Ткнулъ еще коломъ и пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Изъ ревности?   О р и ф ъ.

З и ф ъ.

Нѣтъ, такъ себѣ.

О р и ф ъ.

Ну и обезьяна! Эти обезьяны любого изъ насъ за поясъ
заткнутъ.

З и ф ъ.

А что съ той косоглазой выдѣлывали—просто умора!—
Гладили, гладили ее одинъ—тише воды, ниже травы—да
какъ пырнуть ножомъ...

О р и ф ъ.

Какъ же ихъ судили?

З и ф ъ.

По нашему закону.

О р и ф ъ.

Закатали.

З п ф ъ.

Одна дорога—всѣмъ безпощадная казнь. Принцъ Иуда не-
умолимы: не спускаетъ вины виноватому.

О р и ф ъ.

Я бъ и самого этого Валахъ—Тантарарахъ—Тарандаруфу
положилъ бы на ладонь и другою раздавилъ, вотъ такъ!
Онъ вѣдь всѣмъ коноводитъ.—Да и не одного его... а и еще
кое-кого...—Ласковыя лести, привѣтливыя слова, чомы да
ломъ. Только что по поясъ человекъ, а тамъ—скотъ. На-
мutilъ, пакостникъ!

З и ф ъ.

Не поздоровится!—Всякій свое, какъ полагается, по
закону получить: кому вытянуть жилы, кому гвоздь вобьетъ
въ голову, кому животъ распорютъ, кого сожгутъ въ уголь,
кого бросать въ котель съ расплавленнымъ свинцомъ, кого
закопаютъ по уши въ землю, кому голову долой. Знай на-
шихъ!

О р и ф ъ.

Грустно. — Что-то теперь у насъ на островѣ Искаріотѣ?

З п ф ъ.

Вѣстей давнымъ давно нѣтъ.—Должно быть, провалился.

О р и ф ъ.

Въ своемъ-то домѣ и углы помогаютъ.

З и ф ъ

Когда муравей перейдетъ черезъ море, тогда мы на
островъ вернемся.—Острова намъ, какъ своихъ ушей, не
видать. Выкинь ты его изъ головы

О и ф ъ.

Встасть и бродить, какъ З и ф ъ, сонной мухой.—Здорово жарко.

З и ф ъ.

Насмѣшливо. — А ты чего такъ закутался, не зима. — Ты хоть бы разстегнулся.

О р и ф ъ.

Раздраженно. — Самъ разстегнись.

З и ф ъ.

И разстегнусь.

О р и ф ъ.

Дразня. — Ну?

З и ф ъ.

Повертываясь къ О р и ф у спиной. Зло. — Проклятая середка, — безталанный день! — Что за дурацкія причуды: навязать носить эти обезьяньи знаки. Да съ такимъ сокровищемъ на шеѣ, если не прикрываться, куда и носа не покажешь. Всякій тебя на смѣхъ подыметъ.

О р и ф ъ.

Слава Богу, что хоть только по середкамъ велятъ. А то еще сопрѣешь. — Плакливо. — Мѣста себѣ не нахожу. Доведутъ они меня до конца: станешь хуже листа лежаго. — Хоть бы въ холодокъ куда!

З и ф ъ.

Нашли посмѣшище! — Это за всё то за наши заслуги и такое безобразіе! Нечего сказать: показали Москву въ рѣшетѣ! — Я такъ полагаю, что намъ отвѣляютъ этакъ ^{74 75}манка по три чистаго золота. — Верхъ возмущенія. — До что мы ему въ самомъ дѣлѣ? — На чорта они намъ, обезьяньи знаки! — У меня тоже есть стыдъ! — Хороша дружба... неблагодарный.

О р и ф ъ.

Сиборія ему на насъ наговорила:

З и ф ъ.

Сиборія?

О р и ф ъ.

Была оплошка, — помнишь, мы въ шелку-то дѣвать хс-тѣбли... ты еще палець-то себѣ ссадилъ?

З и ф ъ.

Принцъ къ намъ ее ревнууетъ.

О р и ф ъ.

Тише, онъ тутъ въ саду.

З и ф ъ.

Съ шею?

О р и ф ъ.

Нѣтъ, съ ягемономъ.

З и ф ъ.

А Сиборія?

О р и ф ъ.

Пошла во дворець. — Глубокоимленно. — Всегда-то норовить пройти мимо меня. такая, право...

З и ф ъ.

Оживился. — За такой нуженъ глазъ да глазъ, а то живо рога наставитъ.

Орифъ.

Съ удовольствіемъ. — Не такъ давно, какъ пожегались,
а она ужъ прямо на стѣну лѣзетъ.

Зифъ.

Повода усомъ. — Ему хотъ колъ на головѣ тѣши, все
равно, — писклячья душа. — Толкая Орифа подъ бока. — Ей нешто
такого надо!

Орифъ.

Не стоить мараться.

Зифъ.

Стоить и даже очень стоить... — Озлившись. — А то самъ —
во какую, а намъ эти... обезьяньи знаки. Да еще это.
Ишь чего захотѣлъ: женись, говорить, на обезьянѣ! — Прер-
кашиваясь. — Кушайте сами, если больно охота.

Орифъ.

Мнѣ эта чумазая тварь до сихъ поръ во снѣ снится. —
Насилу тогда опомнился.

Зифъ.

А мнѣ досталась черная губастая, такая противная..
я плюнулъ ей прямо въ ротъ.

Орифъ.

Шепить. — Мышій хвостъ — тараканій глазъ!

Зифъ.

На лицо само дѣло: принцъ Иуда къ намъ ревнуетъ.

Орифъ.

Волчья ситъ — травяной мѣшокъ!

Зифъ.

Ухватило за сердце: вотъ и издѣвается.

Орифъ.

И говорить не хочется! — Что тутъ хорошаго, въ этомъ
Ерусалимѣ: ни въ любви, ни въ совѣсти, ни въ душѣ — на
умъ ничего не пойдетъ. То ли дѣло на островѣ: ѣшь, ситъ,
не хочю! А тутъ круглый годъ впроголодь. У насъ кала-
чикъ ѣшь — другой хочется, третій просится. Не люди тутъ,
а ироды. Бьешься, перебиваешься, что рѣка отъ берега тутъ,
а берега. Все не по-нашему. — Чего добраго или одубѣешь, или
спечешься: у меня по всему тѣлу что-то въ родѣ яичной
скорлупы растеть. Надо бы хуже, да некуда.

Зифъ.

Не скажи, скоро тутъ такое подымется, только пухъ
полстить — будетъ гдѣ разгуляться.

Орифъ.

Въ испугѣ. — Неужто опять Обезьяна? — Я не согласенъ. Я
сбѣгу.

Зифъ.

Отъ Обезьяняго царя давно слѣдъ простылъ: онъ
себѣ знаетъ. Нѣтъ, появился необыкновенный человѣкъ:
исцѣляетъ мертвыхъ, подаетъ зрѣніе слѣпымъ, имѣетъ
власть надъ вѣтрами и моремъ, а когда онъ идетъ, на весь
свѣтъ свѣтитъ, и поля и звѣри преклоняются передъ нимъ,

а глаза его—насквозь видягь. Говорять, этотъ самый чело-
вѣкъ и будетъ царемъ Ерусалимскимъ.

О р и ф ъ.

А игемопа по шапкѣ?

З и ф ъ.

Не на рукахъ же нянчить!—Надаютъ хомяковъ. Вал-
ное время приходитъ: такое тутъ подыметъ—пойдетъ смерть
по напастямъ, только держись.

О р и ф ъ.

Осѣль.— Старъ я сталъ, на моихъ плечахъ семьдесятъ
два лѣта, ни новостей мнѣ не надо, ни богатства. Ты и
такъ, и сякъ, а оно возьметъ свое. А быть-то я какой: кра-
сивый, стройный, хоть сквозь колечко продѣнь. Ушли мои
силы. Не воротиться ужъ въ молодые дни.— Присаживаясь. —
Милѣ сна нѣтъ ничего.

З и ф ъ.

Сонъ и смерть—братья. Гроза будетъ, ты и киснешь.—
А я еще молодцомъ: могу и туда и сюда воротать!

О р и ф ъ.

Чуть не плачетъ.—Хоть бы кисленькаго чего!— что-то мо-
рить... Я очень грозы боюсь.

З и ф ъ.

Вставай ужъ!—Подсѣживаясь. — Пойдемъ козью просто-

квашу ѣсть.—Подмигиваясь.—Или покормить тебя медовыми ола-
душками? Эхъ ты, лягушечья мля! Боляба!

З и ф ъ и О р и ф ъ ула-
вляются въ глубь сада. Се-
бирается гроза.

СЦЕНА II.

З и ф ъ и У н к р а д а.

З и ф ъ.

Возвращается.—Въ глазахъ позеленѣло. Нѣтъ, я не могъ
ошибиться. Это она—Ункрада. Я хорошо вижу.

У н к р а д а.

Слѣдомъ за нимъ.—Ты меня узналъ?

З и ф ъ.

Изъ тысячи узналъ бы. Ничуть не измѣнились, Ункрада!

У н к р а д а.

Тише! Пускай, никто не знаетъ.—Гдѣ Иуда?

З и ф ъ.

Тутъ, въ саду. Жена его во дворцѣ.

У н к р а д а.

Опъ жепать?

З и ф ъ.

Копчился медовый годъ.

опа
Кто же? Ункрада.
Зифъ.

Спборія, жена нашего сосѣда, Симопа.

Ункрада.

Я ничего не знала.

Зифъ.

Принцъ скоро выйдетъ.

Ункрада.

Послѣ нѣкотораго раздумья.—Тобѣ известна дорога къ корабельнымъ пристанямъ?

Зифъ.

Бесслая дорога, какъ не знать!

Ункрада.

Ты меня проводишь? Пускай никто не знаетъ. Я не хочу. Понимаешь? Наши корабли еще не всѣ пристали. Ты меня проводишь?

^и
Когда угодно. Зифъ.

Ункрада.

Я хочу все спать.

Зифъ.

Вы не останетесь?

Ункрада.
Вернусь потомъ. Я приду не такъ.

Зифъ.

Скорѣй идете! Вы слышите?

Ункрада.

Прислушиваясь.—Иуда?

Зифъ.

Съ пгемопомъ.

Ункрада и Зифъ
торопливо уходятъ.

СЦЕНА III.

Иуда и Пилатъ.

Пилатъ.

Выходя изъ зала, къ Иудѣ.—Ты такъ спокойно можешь рассуждать о всякихъ предметахъ. Ученіе этого человѣка бессмысленно.

Иуда.

Сосредоточенно.—Онъ одинъ изъ тѣхъ, кто появляется во времена угнетенныя, когда власть крѣпка, а въ странѣ тишь да гладь. Жуткая наступаетъ пора. Кладбища—могилы, засыпанныя землей, только такъ кажутся тихими, и скрытое въ нихъ, все подавленное—живо, и въ тишинѣ и скрытно ^{бьетъ} бьетъ сердце изъ всѣхъ слезъ на всѣхъ огняхъ и кладетъ его, гордое и безстрашное, въ грудь человѣку... Громоу падаетъ онъ и мститъ за тысячи, и месть его жестока тысячи местей... Нѣтъ, онъ больше всякаго мстителя, онъ сильнѣе

пророка, посылающаго на землю огонь и морь, онъ выше
человѣка. Вѣтры носятъ его. Звѣри, трава, камни говорятъ
съ нимъ и повинуются ему, птицы внимаютъ ему. Жизнь
непонятна: живутъ, не зная для чего, мучаются, не зная за
что... И твоя правда, и моя правда, и вездѣ правда, а ни-
гдѣ ея нѣтъ. Онъ несетъ оправданіе жизни, онъ дастъ но-
вый законъ.

Пилатъ.

Законъ! Царемъ хочеть быть? Царь Ерусалимскій!

Иуда.

Сокровенно. — Вотъ остановился онъ на распутьѣ у трехъ
дорогъ. Онъ ждетъ къ себѣ другого... и такой долженъ
притти къ нему, измученный, ни гдѣ не находя себѣ утѣ-
шенія, готовый принять на себя послѣднюю и самую тяжкую
вину, чтобы своимъ послѣднимъ грѣхомъ переполнить грѣхъ
и жертвою своею открыть ему путь...

Пилатъ.

Какую жертву? И такъ все для нихъ дѣлаемъ.

Иуда.

Не отвѣчая, самъ съ собою. — Но сердце, принявшее на себя
послѣднюю и самую тяжкую вину, можетъ ли сердце вы-
нести всю тяжесть послѣдней вины?

Пилатъ.

Эти бунтовщики натворили не мало зла.

Иуда.

Послѣдній грѣхъ, послѣдняя вина... она заполнить все

сердце, она охватитъ всю душу, она обниметъ тебя съ ногъ
до головы. Люди въ ужасѣ отшатнутся отъ тебя; силы не-
бесныя съ воплемъ отлетятъ прочь, выскользнетъ земля
изъ-подъ твоихъ ногъ, и ты останешься одинъ, — повиснешь
въ воздухѣ и будешь висѣть одинъ между землей и небомъ.

Пилатъ.

Раздражаясь — Ну, что еще имъ надо? Что вздумали! У
меня просто голова идетъ кругомъ. Конечно, у насъ най-
дутся средства. Я на тебя, принцъ, какъ на каменную гору. —
Приостанавливается. — Какая грозная туча. Вѣшній градъ летитъ.
Будетъ звонъ на небесахъ.

Иуда.

Гроза идетъ.

Пилатъ.

А какъ твоя жена? Доволенъ?

Иуда.

Моя жена?..

Пилатъ.

Она больная? Вотъ видишь, я вѣдь говорилъ тебѣ,
я предупреждалъ... Можно и другую. За этимъ дѣло не
станетъ.

Иуда.

Нѣтъ, я не про это! Мы другъ друга любимъ. Она
веселая, спокойная, и смирна, какъ роса. По временамъ на
нее находить. Въ такіе вотъ душные дни конца мѣсяца.

Пилатъ.

Представь, это и со мной бываетъ.

глядный свѣтъ, онѣ закрыли его и землею прикрыли. Заря выходитъ, а ты не взойдешь: ты съ черною ночью сдружился. Звѣзды взойдутъ огне-крупными слезами, на тебя взглянуть и падаютъ, а ты не шелохнешься. Сорву ли цвѣты, положу ли на могилу, / не завянутъ отъ моихъ слезъ, слезъ горячихъ. Кто же вышетъ мои слезы, какъ не сырая земля. О, ты, мой незапамятный! Во снѣ и наяву я плачу рыданіемъ и тебя не вижу. Во мнѣ все закручинилось, За то ли, что зачала тебя, за то ли, что любила тебя,—гдѣ ты? Синее ли море поглотило тебя, или убаюкало, баюкая:—„Ты убай, убай, синее море!“—гдѣ же ты? Повѣдай, не скрывай, скажи мнѣ, я одна подлѣ тебя, я давно отвѣта жду. Или не узнаешь моего взрыднаго родного голоса? Кланяюсь, цѣлую въ губы, скажи на ухо, порадуѣ непорядную, обними обнимающую тебя.. Проснись, пробудись отъ непробуднаго тяжкаго сна!

Иуда.

Сиборія... Сиборія смотри на Иуду съ простертыми руками. Подходить къ Сиборіи.—Сиборія, скажи мнѣ... Я стоялъ тутъ и слушалъ. Твой плачъ надрываетъ мнѣ сердце. Пожалѣй себя. Развѣ ты не любишь меня?

Сиборія.

Люблю тебя!

Иуда.

Милая горлица, бѣлая горлица! Будемъ другъ друга любить. Будемъ навѣки вмѣстѣ, всегда. Мы одни съ тобой—на вѣки. Насъ не разлучатъ ни снѣга, ни морозы.—Лаская, тихо.—Открой же: что на твоемъ сердцѣ? Не бойся.—Сиборія понурилась.—Я помогу тебѣ.

Сиборія.

Цельзя мнѣ помочь.

Иуда.

У тебя грѣхъ на душѣ?

Сиборія.

Пить мнѣ просвѣта.

Иуда.

Съ чѣмъ ты винишь себя?

Сиборія.

Послѣ борьбы, совѣсть склонилась; еле слышно.—Грѣхъ я тяжелый согрѣшила.

Иуда.

Кто-нибудь знаетъ?

Сиборія.

Спмонъ знаетъ.

Иуда.

Рѣшительно, послѣ нѣкотораго молчанія.—Сиборія, какой бы ни былъ твой грѣхъ и пусть онъ будетъ самый тяжкій, клянись тебѣ, я его беру на себя.

Сиборія.

Никогда не замолишь мнѣ его. Ему нѣтъ покаянія. Я понапрасно загубила безответную, безповинную душу.

Иуда.

Какой бы ни былъ грѣхъ, я принимаю на себя.

Сиборія.

Съ отчаяніемъ.—Я погубила ^{мо} свое единственное дитя.

Иуда.

Сына?

Сиборія.

Моего сына... Скажу тебѣ, не утаюсь.

Иуда.

Тихо.—Говори.

Сиборія.

Собравшись съ духомъ, спокойно.—Въ тотъ годъ, когда я вышла замужъ, привидѣлся мнѣ сонъ. Ко мнѣ явился крылатый юноша и опалилъ меня, ровно бы огнемъ, сказалъ мнѣ, что родится у меня сынъ, который погубитъ весь нашъ родъ: «убьетъ отца, женится на матери и будетъ царемъ, но горе его душѣ и надъ горами горе и надъ бѣдами бѣда—лучше бы было да ему на свѣтъ не родиться». Я рассказала мужу, а Симонъ шутилъ и смѣялся. Въ ту же ночь я зачала. А когда родился сынъ, страхъ обуялъ насъ: хотѣли убить его—рука не поднимается, жалко; оставить же у себя, воспитывать его,—страшно. Сколотила я дубочекъ изъ досокъ, осмолила гробикъ, выложила сѣномъ. Взяла я ребеночка, омыла моими слезами, отерла косами, запеленала въ пеленки, опоясала носами, положила его, маленькаго, въ гробикъ, и подпись подписала съ именемъ и золотое яблоко положила ему для забавы. Снесла я гробикъ на Иорданъ-рѣку, пустила его въ море. Думала себѣ: понесутъ его волны, а море безнайдуту поглотитъ. Море и поглотило. Симонъ дожидъ до старости, никто его пальцемъ не тронулъ, самъ собою померъ нечаянной смертью безъ покаянія. Я за тебя вышла. А безвинное мое дитя погибло. Никто не знаетъ судьбы. А я повѣрила сну.

Иуда.

Давно это было?

Сиборія.

Лѣтъ двадцать.

Иуда.

Про себя.—Лѣтъ двадцать. — Громко.— А яблоко съ этой яблонни?

Сиборія.

Въ ночь, когда ему родится, чудомъ появилась золотая яблоня. Такой яблоня на всемъ свѣтѣ нѣтъ.

Иуда.

А если явится человекъ съ такимъ золотымъ яблокомъ, онъ и будетъ твой сынъ?

Сиборія.

Онъ никогда не явится. Его море поглотило. Прежде, бывало-то, я все ждала его: припаду къ землѣ и все слушаю: не стучать ли колеса, не звенять ли подковы... Истаяли мои глаза. Мнѣ мучится и не отлучится.

Иуда.

А какъ звали твоего сына?

Сиборія.

Иудой.

Молчаніе. Появляется
Вѣстникъ, за нимъ
Зифъ.

СЦЕНА V.

Сиборія, Іуда, Вѣстникъ и Зифъ.

Зифъ.

Задерживая Вѣстника.—Постой! Остановись! Куда идешь?

Вѣстникъ.

Я долженъ сказать принцу.

Зифъ.

Сейчасъ не время.

Вѣстникъ.

Ункрада привезла съ острова Искаріота важныя вѣсти.

Зифъ.

А тебѣ-то что! Сама придетъ и скажетъ.

Вѣстникъ.

Принцъ ничего не подозреваетъ...

Зифъ.

Принцъ забылъ все на свѣтѣ.

Вѣстникъ.

Счастливыи.

Зифъ.

Видишь, какъ онъ потемнѣлъ вдругъ, темнѣе тучи.
Пойдемъ отъ грѣха: увидить, еще задасть!

Вѣстникъ.

Ну, пускай сама приходитъ. Я ей такъ и скажу.

Зифъ и Вѣстникъ
исчезаютъ. И черезъ нѣ-
которое время со стороны
рѣки появляется Ункра-
да, оставаясь незамѣтною
для Сиборіи и Іуды.

СЦЕНА VI.

Сиборія, Іуда и Ункрада.

Сиборія.

Къ Іудѣ, молчаніе котораго становится невыносимымъ.—Да что же
ты молчишь?—Дай мнѣ отвѣтъ.

Іуда.

Внятно. — Я твоего мужа убилъ.

Сиборія.

Не понимаешь. — Кто убилъ?

Іуда.

Я... я Симона убилъ.

Сиборія.

Смотрить съ недоувѣрiемъ и тревогой. — Ты бредишь.

Иуда.

Твердо. — По повелѣнiю игемона я вошелъ сюда, въ вашъ садъ, за золотыми яблоками, но не успѣлъ сорвать ихъ яблока, на меня бросился старикъ, хотѣлъ меня ударить. Я оттолкнулъ его—крѣпко ударился старикъ объ землю и больше не поднялся. Это былъ Симонъ, твой мужъ. Онъ не самъ собою померъ, а вотъ отъ этихъ рукъ. Я его убилъ.—Простишь ли ты мнѣ?

Сиборія.

Поднялась въ тихомъ ужасѣ.—Я сейчасъ... я ничего не знала... не могу такъ сразу... дай мнѣ собрать мысли.—Идетъ, шатаясь, въ глубь сада, вдругъ остановилась. — Господи, какъ же это такъ... Это невозможно...—И опять пошла.—Я ничего не знала.

Иуда.

Провождаетъ ее глазами.—Не простишь. — Ты мнѣ не простишь? — Стоитъ угнетенный. Невольно поворачиваетъ голову въ сторону Ункрады, вглядывается и пьтится, признавъ Ункраду.

СЦЕНА VII.

Иуда и Ункрада.

Ункрада.

Покаялся?

Иуда.

Кто тебя привелъ?

Ункрада.

Море.

Иуда.

Что надо?

Ункрада.

Съ острова Искаріота вѣсти.

Что случилось?

Иуда.

Ункрада.

Ты клятву нарушилъ.

Иуда.

А ты?

Ункрада.

Кому ты повѣрилъ... Такъ-то ты любишь!

Иуда.

Ты измѣнила.

Ункрада.

Твой братъ убить—принцъ Стратямъ

Иуда.

Братъ убить?

Ункрада.

Со смѣхомъ.—Ерусалимскіе купцы убили.

Иуда.

Не понимаю.

Ункрада

Ты все забылъ... А я-то, бывало, въ сумерки, какъ сомкнется день съ ночью, придетъ короткая пора, я закрѣплю мое сердце, наклоню голову, сдержу тоску... А лѣсъ-то какъ расшумится... Ты все забылъ. А лѣсъ-то какъ расшумится, то въ бую и въ шуму его 'ничего ужъ не слышно, только слышенъ человѣческой голосъ. Я пою—это моя пѣсня жжетъ мнѣ сердце. Пѣсни мои, соколы, куда васъ дѣну? Любила тебя, буду любить и люблю наперекоръ вѣтру, грозѣ и бурѣ. Безъ тебя я годъ годовала—вѣкъ вѣка. Всѣ думы я продумала.— Тоска росла, какъ вечерняя тьма подь осень.—Переступая.— Если бъ я забыла тебя, я никогда бы не пришла къ тебѣ. Смотри, голова моя увивана золотомъ. Я—твоя воля, я твоя судьба. Кладу ее выше плечъ на твою голову. Мой вѣнецъ не свѣютъ вѣтры, не смочутъ дожди, не сымутъ люди. Я нашла тебя.

Иуда.

Охваченный тревогой.— Ункрада... Ункрада?

Ункрада.

Твоя мать умерла.

Иуда.

Растерянно.— Мать?

Ункрада.

Она тебѣ не мать.— Ты не ея сынъ.

Иуда.

Она не моя мать?..

Ункрада.

Подойди ко мнѣ: не огонь иду, не обожгу.

Иуда.

Что ты говоришь!—Подходя къ Ункрадѣ.— Этого не можетъ быть.

Ункрада.

Двадцать лѣтъ твоя мать скрывала и только передъ смертью рѣшилась открыться царю. Она долго была бесплодна,—про это всѣ знали,—и желала ребенка. Никуда она не выходила, все молилась, только къ морю. Однажды, она молилась у моря, и увидала прибитый волнами къ берегу осмоленный гробикъ, а въ гробикѣ на сѣнѣ лежалъ младенецъ. Тамъ же и подпись подписана—имя, и диковинное золотое яблоко—для забавы. Вотъ это яблоко!—Горитъ, какъ жарь!— Подаетъ Иудѣ яблоко.—Теперь ты свободенъ. Боятся нечего. Темно между землей и небомъ. Никто не знаетъ судьбы. Всѣ предсказанія лгутъ.

Иуда.

Одними губами.— Предсказанія лгутъ... А это яблоко?

Ункрада.

Золотое, какъ солнце!

Иуда.

Солнце не лжетъ.

Ункрада.

Царь тебя ждетъ, царь передастъ тебѣ царство. Украти-

лись въ полѣ вѣтры, умиралась земля, уходилась волна на морѣ. Грозно-сине-солоню море не горитъ погодой, уставилось. Тихое тихо гонить воду. Корабль готовъ. — Протягиваетъ Іуда руку. Іуда столбомъ стоитъ; въ рукахъ у него золотое яблоко. — Что жъ ты стоишь? — не змѣя плыву, не оклюю. — Съ горечью. — Или жаль тебѣ теплаго угла, тѣнистаго сада? — Твоя жена покорна, она все забудетъ. — Что жъ? убилъ ея старика мужа; покайся. — Она тебя проститъ. И заживете въ душу — и пройдутъ ваши годы, какъ птица пролетитъ! — Гнѣвно — Поди, прости съ ней. — Іуда попрежнему стоитъ, не подымая глазъ. — Царь! Ты — царь!

Іуда.

Вздорнулъ, черезъ силу. — Посмотри, что съ нею — съ моей матерью...

Ункрада.

Съ твоей матерью?! — Смотритъ съ недоумѣніемъ вокругъ. Глаза упали на яблоку. Стоитъ пораженная. — Золотныя яблоки! — Вдругъ что-то припоминается ей. — Гдѣ я ихъ видѣла?.. — Мучительно. — Золотныя яблоки... — Быстро подходитъ къ Іудѣ, смотритъ сначала на яблоко. — Дай его мнѣ! — Потомъ взглянула ему въ лицо.

Іуда.

Не выпускаетъ изъ рукъ яблока. — Тамъ она, въ саду... моя мать...

Ункрада.

Отступаетъ. — Жена!

Іуда.

И мать.

Ункрада.

Подавивъ въ себѣ подавившейся вопль, неровно, озираясь, прохлдитъ въ глубь сада, откуда скоро возвращается.

Шопотомъ. — Ее кинуло въ сонъ — она заснула подъ яблоней. Золотые ее волосы лучами раскинулись по землѣ. Она спитъ, какъ солнце спитъ въ яблоневомъ саду. Бѣлоалый цвѣтъ осыпается на ея глаза. — Вскрикиваетъ. — Смотри! — черное облако летитъ надъ нами!.. Ее громомъ убьетъ!

Іуда.

Подымается и кричитъ: на реки раскаты грозы крестомъ разо.

Выпрямляется. — Отбрасываетъ яблоко. Дѣлаетъ на себѣ крестъ. — Я готовъ.

Ункрада.

Преграждая ему путь. — Куда?..

Іуда.

На распугье.

Ункрада.

Какъ во снѣ. — Къ тремъ дорогамъ.

Іуда.

Принять за весь міръ послѣднюю и самую тяжкую вину.

Ункрада.

Иду за тобой. Вмѣстѣ пойдемъ... А ты знаешь имя послѣдней вины?

Гуда.

На минуту задумался; про себя.—Последняя вина...

Ункрада.

Словно расцвѣла вся. — Имя ей—предательство.

Гуда.

Я ГОТОВЪ. — Идетъ въ предгромной тишинѣ.

Ункрада.

Бросается за нимъ. — Нѣтъ! Ты—царь. Твое—Море. Твой—Океанъ.—На колѣняхъ.—Остановись!—Какъ земля къ землѣ припадаетъ тихо и кротко, такъ я къ тебѣ... тихо и кротко...—Въ изступленіи.—Тебя твоя тѣнь покидаетъ. — У тебя нѣтъ больше тѣни! Гуда!—Ползеть за Гудой. — Предатель... предатель... предатель...

Занавѣсъ.

1908 г.

Судия

Кни отдаленіи окликающіи гогомъ
горе его души и на азъ горали горе и надъ
отъ отъ — лучше да было же ест
на свѣту же рѣшится!